

УДК 09.00.01

Природа и сознание

Прись Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник
Института философии Национальной академии наук
Беларуси, кандидат философских наук, кандидат физико-
математических наук

frigpr@gmail.com

Аннотация: Мы излагаем нашу точку зрения на сознание в витгенштейновских терминах языковых игр и форм жизни и утверждаем, что она согласуется с нормативной точкой зрения Бенуа, согласно которой сознание как «дух» — это норма, относящаяся к категории идеального, а природа относится к категории реального. Наше заключение состоит в том, что не имеет смысла просто говорить о том, что сознание (не)реально или (не)материально. Сознание как дух реально в смысле наличия соответствующей нормы, укорененной в реальности. Оно нереально и нематериально в том смысле, что норма относится к категории идеального. И сознание как корректная реализация нормы, то есть в рамках «языковой игры», есть природное явление, реально, существует. **Ключевые слова:** смысл, сознание, норма, концепты, реальность, природное, ментальное, естественный вид, языковая игра, форма жизни.

Для Маркуса Габриеля [13] и Жослина Бенуа [8] концепт сознания в смысле английского слова *mind* есть «концепт-зонтик». Бенуа показывает, что концепт смешивает категории ментального и природного. Поэтому он предпочитает употребляемый Габриелем [13] немецкий термин *Geist* (далее мы переводим как «дух»), позволяющий устранить смеше-

ние категорий. В данной статье мы устанавливаем соответствие между нашей витгенштейновской в широком смысле точке зрения на сознание в терминах языковых игр и форм жизни [15] и нормативной точкой зрения Бенуа [8; см. также 3–11], корректирующего подход Габриеля. Согласно Бенуа, ментальное и, в частности, «дух» — это норма, от-

UDC 09.00.01

Nature and mind

Pris' Igor' Evgen'evich, senior researcher of the Institute of philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, candidate of sciences (philosophy & physical and mathematical)

frigpr@gmail.com

Annotation: We expose our point of view on consciousness in Wittgensteinian terms of language games and forms of life and claim that it agrees with Benoit's normative view according to which consciousness as «Geist» belongs to the category of the ideal, and the nature belongs to the category of the real. Our conclusion is that it does not make any sense to say that consciousness is (not) real or is (not) material. Consciousness as Geist is real in the sense that there is the corresponding norm, anchored in reality. It is not real, and not material in the sense that the norm belongs to the category of the ideal. In addition, consciousness as the correct realization of the norm, which is within a «language game», is a natural phenomenon, real, exists. **Keywords:** meaning, consciousness, norm, concepts, reality, natural, mental, natural kind, language game, form of life.

носящаяся к категории идеального, тогда как природа относится к категории реального.

Итак, следуя Бенуа, примем в качестве исходного предположение о категориальном различии между реальным и идеальным. К идеальному отнесем концепты, правила, нормы (эти три понятия мы рассматриваем здесь как синонимы), точки зрения, теории, установок, смысл, содержание.

Реальность, как пишет Бенуа, «это про-

сто то, что есть — это ее определение — и, как таковая, она ничего не означает» (*здесь и далее перевод наш*) [6, 7]. Нет необходимости говорить о смысле или содержании реальности, поскольку смысл и содержание, с одной стороны, и реальность, с другой стороны, относятся к разным категориям [6, 7].

Действие или дискурс, если это действительно интенциональное действие или осмысленный дискурс, предполагают следова-

ние правилам, то есть имеют нормативное (идеальное) измерение. Всякое *употребление* правила есть витгенштейновская «языковая игра», (нормативное) действие в широком смысле, которое возможно лишь в реальности. Поэтому витгенштейновская языковая игра укоренена в соответствующей форме жизни и реальности [15].

Витгенштейновский лозунг «смысл есть употребление» указывает на то, что смысл имеет отношение к правилу и его употреблению в рамках языковой игры и, следовательно, как уже было сказано выше, как таковой он относится к категории идеального.

Лозунг также указывает на то, что проблема соответствия между идеальным и реальным не возникает, так как первое изначально «укоренено» во втором, вырабатывается из него. В частности, подлинный смысл (но не псевдосмысл) имеет свои реальные условия, то есть находится в интимной связи с реальностью, которая играет для него роль почвы, есть условие его возможности.

Правила (нормы, концепты) предполагают существование парадигматических случаев своих употреблений. Отталкиваясь от них, правила способны «измерить» новую реальность, то есть в контексте идентифицировать новые реальные объекты в широком смысле [15]. В частности, как пишет Витгенштейн, «...то, что мы называем «измерением», определяется и известным постоянством результатов измерения» [1, § 242]. Проблема «измерения» реальности есть витгенштейновская проблема следования правилу [15].

Языковая игра как употребление правила

подразумевает различие между реальностью (реальным объектом, реальным «данным») и видимостью (видимым объектом, видимым «данным»), то есть корректным и некорректным применениями правила. Поэтому языковая игра — это «явление», в рамках которого реальность играет роль нормы (видимость может соответствовать реальности или нет).

Хотя в конечном итоге правилу следуют (концепт применяют) «слепо», то есть нет правила для применения правила, корректное применение правила имеет обоснование *post factum* в рамках соответствующей языковой игры. То есть нормой обоснования является само правило.

Соответственно, конкретное существование (можно также говорить о концептуализированной реальности, определенном бытии, укорененном в реальности (ощущаемом) объекте, самой вещи) можно определить так: объект существует, реален тогда и только тогда, когда он *дан* в рамках корректного применения своего концепта (соответствующего правила), то есть в рамках соответствующей языковой игры [15].

Укорененное в реальности в рамках языковой игры описание ощущаемого реального объекта (самой вещи) есть более полная экспликация правила языковой игры, концепта вещи. Такое описание можно еще назвать «представлением» или «объяснением» (поэтому, следуя рекомендации Витгенштейна, можно отказаться от «объяснений» в пользу «описаний») [15].

Все сказанное предполагает, что в рамках корректного применения концепта дана *сама*

полнокровная *вещь*, а не ее эрзац (такова природа подлинных концептов). Она дана как (определенный) реальный и ощущаемый (а не абстрактный или метафизический) объект. И дана она в рамках той или иной перспективы, точки зрения, в контексте. Как утверждает Бенуа, бесперспективная точка зрения на вещь не имеет смысла [10]. Действительно, в рамках перспективы вещь как вещь данная, имеет тот или иной смысл, мыслится. Аналитическая истина (дефляционистская тавтология) состоит в том, что вещь мыслится тогда и только тогда, когда она мыслится, то есть в рамках той или иной перспективы, точки зрения [10]. Поэтому перспектива не «затеняет» вещь в той или иной степени или тем или иным образом. Смысл, перспектива, точка зрения не играют роль экрана между субъектом и самой вещью [10]. Смысл (концепт) отсылает к реальности, дает «доступ» к самой реальной вещи, которая оказывается в принципе полностью «доступной» ему (мы согласны с Жослином Бенуа [5], что метафора доступа может ввести в заблуждение: мы часть реальности, уже в контакте с реальностью. Проблема доступа к реальности есть псевдо-проблема). В этом смысле *сами вещи*, реальные объекты не являются трансцендентными.

В то же время сама вещь (реальный объект) не зависит от точки зрения, в рамках которой она дается. *Одна и та же* вещь может быть дана в рамках бесконечного числа точек зрения. В этом смысле сама вещь трансцендентна (по отношению к специфическим смыслу, точке зрения, теории, концепту и так

далее), но, как ясно из вышесказанного, не в смысле трансцендентности непознаваемой вещи-в-себе. В рамках витгенштейновского подхода различие между вещью-в-себе и вещью-для-нас отсутствует. И в отличие от феноменологического подхода, в рамках которого это различие также отсутствует, явления-языковые-игры не автономны, а вместе с соответствующими им «формами жизни» укоренены в (неконцептуализированной) реальности.

Для Канта «мир», то есть реальность, не объект, а никогда не достигаемый горизонт всех объектов. Нельзя познать мир как таковой. Но можно познать вещи в рамках мира, установить их место в мире.

Для нас термин «реальность» обозначает категорию. Она не объект, не может быть определена. Не имеет смысла говорить о ее существовании или несуществовании.

Для Маркуса Габриеля «мир» не существует [12]. Напротив, в рамках его плюралистической онтологии, например, единорог существует, поскольку всякое существование устанавливается в рамках некоторого «смыслового поля» (контекста), которое и определяет его природу.

Понятие смыслового поля Габриеля можно сблизить с витгенштейновским понятием «формы жизни», в рамках которой только и возможны осмысленные высказывания и истинностные оценки.

Форма жизни определяется своими правилами, своей «грамматикой», включающей «осевые предложения». Она представляет собой целое семейство языковых игр, между

которыми имеется «семейное сходство», означающее, что языковые игры суть применения *одних и тех же правил* [15].

Как мы уже сказали выше, нечто может существовать, быть *данным* лишь в рамках языковой игры и, следовательно, лишь в рамках некоторой формы жизни, а значит — не автономны. Реальность как таковая играет роль фона для них [15]. Поэтому полнокровный реализм есть реализм онтологический:

«Быть реалистом в некотором полном смысле слова, требующем больше, чем простую эпистемическую пригодность — это требовать, чтобы во всякой форме познания содержалась подлинная трансцендентность, было бы нечто, что познается, а также существует согласно другой модальности, чем простое познанное-бытие: *бытие*. Суть этого реализма как раз в том, чтобы поставить эпистемическое значение под контроль этого трансцендентного онтологического, отдать приоритет *реальности* по сравнению с зависящей от нее *истиной*» [9].

Сказанное применимо и к вопросу о реальности сознания. Прежде всего, по аналогии с понятием смысла можно ввести понятие сознания как нормы. Мы называем такое сознание «духом». Сознание как дух, мы согласны с Бенуа, ничего не «добавляет» к «материи», природному. Это не особая (нематериальная) субстанция и не особый сложный вид материи [8].

Маркус Габриель тоже утверждает, что сознание в смысле «духа» не естественный вид. Бенуа, однако, уточняет, что это верно, как в смысле онтологическом — дух не «есте-

ственный» вид в том или ином смысле, так и в смысле семантическом — дух не жесткий десигнатор в смысле Крипке. Дух относится к категории идеального. Это норма.

С другой стороны, мы полагаем, что «сознание» можно также понимать в смысле чисто фактическом, как часть реальности. Всякий непосредственный (неконцептуализированный) опыт, то есть опыт не идентифицированный, не есть «дух» и не имеет нормативного (концептуального) измерения, то есть не есть «языковая игра». Он просто есть (реальность или часть реальности). Он есть неконцептуализированный природный процесс.

Наконец в том случае, если сознание в виде того или иного опыта идентифицируется при помощи феноменального (нейрологического или другого) концепта, то есть нормы опыта (при помощи «духа»), мы имеем дело с сознанием как «языковой игрой», содержащей как идеальные элементы (дух), так и материальные, природные [15].

Сознание как языковая игра может быть подлинным или иллюзорным: там, где есть присутствие «духа», встает вопрос о подлинности (в большей или меньшей мере) и иллюзорности. Бенуа пишет:

«*Духовное*» по своей природе способно быть или не быть собой, тогда как то, что не является *духовным*, а является «природным», есть просто то, что оно есть. В этом отношении *духовное* всегда несет в себе конститутивную дистанцию с онтологией: оно никогда не сводится целиком к *тому, что есть*» [8].

Как было сказано выше, языковая игра есть

действие. Поэтому сознание как «языковую игру» можно отнести к категории «действие», которая отличается от категории естественного вида.

Бенуа пишет, что грамматика действия отличается от грамматики природы: «Действие, очевидно, не вид сущего. Оно дано не так, как дано сущее. Оно *есть* лишь постольку, поскольку оно *совершенно*» [8].

Вообще, всякое действие (языковая игра) имеет идеальное измерение и поэтому является «осознанным», содержит в себе «дух», а не просто сопровождается им (но мысль, смысл, «дух», сознание как норма — не есть действия, а аспекты действия).

Сознание как опыт того или иного вида или же некоторый сингулярный опыт, идентифицированный в рамках языковой игры при помощи соответствующего концепта, есть реальный объект (в широком смысле — сознание не есть объект в узком смысле, то есть не есть визуальный объект) — естественный вид или же сингулярный объект — и (в семантическом плане) жесткий десигнатор в смысле Крипке.

Например, феноменальное сознание как результат корректного применения феноменального концепта, то есть концепта, отсылающего к тому или иному виду феноменального опыта или некоторому сингулярному опыту, реально и естественно. Оно реально и естественно в смысле реальности и естественности соответствующего концептуализированного феноменального опыта [2, 15].

Сознание, таким образом, может быть понято с натуралистической точки зрения, од-

нако, не в метафизическом, а контекстуально-нормативном смысле, то есть в смысле зависимости от контекста естественных (имеющих реальные условия своего существования) норм и их применений (Pris, 2008, 2015).

Осмысленно говорить о существовании тех или иных конкретных вещей или видов вещей, в том числе и ментальных «вещей», их видов, можно лишь в рамках той или иной нормативной системы, «смыслового поля» (Маркус Габриель), «формы жизни» (Витгенштейн), согласно тому или иному «правилу».

Употребляемые правила могут относиться как к «реальным» вещам, например, окружающим нас предметам или объектам физики, так и к «абстрактным» и воображаемым вещам, например, математическим объектам или объектам в рамках художественного произведения, правила которого, в конечном итоге, конструируются, исходя из правил обыденного дискурса.

«Реальность» объектов, существующих в рамках различных форм жизни имеет различную природу. Очевидно, что воображаемый объект существует в другом смысле, чем объект окружающей нас действительности или физический объект. Реальность математического объекта имеет свою особую природу. И так далее. Понять природу того или иного вида реальности, «существования» — означает понять природу соответствующей «формы жизни» и ее «грамматики» [2, 15].

Поскольку языковые игры (употребления правил), из которых состоят формы жизни — суть действия, а способы действия могут быть самыми разнообразными, соответственно, са-

мыми разнообразными могут быть и вещи, и способы их существования: обыденные, воображаемые, математические, физические и так далее.

Точка зрения Бенуа на сознание (в смысле «духа») как норму (мы говорим о витгенштейновском правиле [2, 15]) отвергает онтологическую перспективу на сознание: говорить о его существовании или несуществовании означало бы смешивать категории нормативного и субстанциального (природного) [8].

Отметим, что в рамках этой точки зрения становится понятным, почему Маркус Габриель говорит о сознании (Geist) как об «объяснительной структуре» (все же, как замечает Жослин Бенуа, Габриель не принимает эксплицитно во внимание нормативную структуру «духа»). В самом деле, правило может быть в большей или меньшей мере эксплицировано как концептуальная структура («объяснение», «описание», «представление») некоторого *данного*, явления, языковой игры [15].

Правило имплицитно в «инстинктивных языковых играх», а в «рефлексивных языковых играх» оно полностью или частично эксплицитно, что предполагает существование степеней рефлексивности (Pris, 2008). Как и всякая языковая игра, рефлексивная языковая игра нормативна. Она подчиняется самому эксплицируемому правилу. Инстинктивную языковую игру следует отличать от самой реальности. Первая, но не последняя, имеет концептуальное измерение, есть инстинктивное действие. То есть «дух» содержится как в рефлексивных языковых играх, так и в инстинктивных языковых играх.

Аналогичным образом Бенуа пишет, что нормативность есть существенное условие само-рефлексии и нет четкой границы между самосознанием, то есть рефлексивным сознанием и сознанием [8].

Итак, вместе с Габриелем и Бенуа мы отвергаем традиционный натурализм, согласно которому в онтологическом, эпистемическом и методологическом планах все, что существует, в частности, сознание, может трактоваться по аналогии с естественными науками. К примеру, согласно «нео-экзистенциализму» Габриеля, «нет одного явления или одной реальности, соответствующих в конечном итоге очень неоднозначному термину-зонтику «сознание» [13].

Альтернативой традиционному натурализму и метафизическому реализму является комбинация умеренного дефляционизма и контекстуального (неметафизического, витгенштейновского по духу, «нормативно-го») натурализма и реализма языковых игр и форм жизни [11]. Это наша позиция и, как мы полагаем, позиция Бенуа (но не Габриеля):

«Преодолеть натурализм не означает просто добавить другую — или много других — область(ей) к естественному бытию. Не следует ли нам тогда поставить на повестку дня следующую альтернативу: открыть наш рассудок к разнообразию смыслов бытия как смыслов *нормативных*» [8].

В частности, мы признаем, что существуют разнообразные естественные в смысле своей укорененности в реальности, то есть зависимости от контекста, нормы и их применения. Различным нормам соответствуют различные

данные (что может быть причиной рациональным образом неразрешимых разногласий относительно того, что существует, дано). Как пишет Бенуа, «данное не предшествует реальности. Оно скорее отсылает к факту, что последняя видится в соответствии с нормой, которая сама имеет реальные условия» [11, р. 221].

С другой стороны, нельзя сказать, что сами естественные науки подтверждают традиционные натурализм и реализм. Достаточно вспомнить о проблемах, с которыми в их рамках сталкиваются интерпретации квантовой механики.

В рамках неметафизических реализма и натурализма языковых игр и форм жизни физические теории и «законы природы» можно интерпретировать как нормы, «витгенштейновские правила», а физико-физические тождества как «языковые игры», то есть применения правил, или правила (поскольку устоявшаяся языковая игра, то есть языковая игра как парадигма, в том числе и тождество как устоявшаяся языковая игра, может играть роль нормы) [15].

Психофизические тождества можно трактовать аналогичным образом. Ощущение может быть просто неконцептуализированным фрагментом реальности. Но ощущение можно и измерять, применять к нему концепты. В этом случае оно становится объектом в широком смысле. Тождество «Возбуждение таких-то и таких-то нейро-волокон есть тот или иной вид ощущения (или же то или иное сингулярное ощущение)» может быть либо языковой игрой, то есть употреблением двух

концептов, двух точек зрения на *одно и то же* — неврологического концепта и обыденного (феноменального) концепта того или иного (вида или сингулярного) ощущения, — либо витгенштейновским правилом (нормой) [15].

Когда-то Уильям Джеймс писал [14]:

«В течение двадцати лет я подозрительно относился к сознанию как объекту. В течение семи или восьми лет я учил своих студентов его несуществованию и пытался показать им его прагматический эквивалент в реальных опытах. Мне кажется, созрел час, чтобы его открыто и повсеместно отбросить».

Наше заключение состоит в следующем. Не имеет смысла просто говорить о том, что сознание (*не*) существует, (*не*)реально или (*не*)материально. Сознание как дух реально в смысле наличия соответствующей нормы, укорененной в реальности. Оно нереально и нематериально в том смысле, что всякая норма относится к категории идеального. И сознание как корректная реализация соответствующей нормы, то есть в рамках «языковой игры», есть природное явление, реально, существует.

Примечания

1. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. Л. Добросельский. М.: АСТ, 2011. 347 с.

2. Прись И. Е. Витгенштейновский прагматизм аналитической философии и феноменологии. Lap Lambert Publishing, 2015. 700 с.

3. Benoist J. Éléments de Philosophie Réaliste. Réflexions sur ce que l'on a. Paris: Vrin, 2011.

4. Benoist J. Experience. Vrije Universiteit Brussel. Conference Psychological Concepts (September 22, 2012).

5. Benoist J. Le bruit du sensible. Paris: Cerf, 2013.

6. Benoist J. Reality. META: Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy. 2014. Pp. 21–27.

7. Benoist J. Le réalisme sans métaphysique [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/publications-de-Benoist-%20Jocelyn--20377.htm> (дата обращения: 05.07.2018).

8. Benoist J. Does mind «exist»? Comments on Markus Gabriel's «Neo-Existentialism How to Conceive of the Human Mind After Naturalism's Failure» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/publications-de-Benoist-%20Jocelyn--20377.htm> (дата обращения: 05.07.2018).

9. Benoist J. Logique du phénomène. Paris: Hermann, 2016.

10. Benoist J. Realismus und Metaphysik [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/28979151/Jocelyn_Benoist._Realism_and_Metaphysics (дата обращения: 05.07.2018).

Notes

1. Wittgenstein L. Philosophical researches / translation by L. Dobrosel'skiy. Moscow: AST, 2011, 347 p. (in Russ.).

2. Francois-Igor Pris. Wittgensteinian Pragmatism in Analytic Philosophy and Phenomenology. *Lap Lambert Publishing*, 2015, 700 p. (in Russ.).

3. Benoist J. Éléments de Philosophie Réaliste. Réflexions sur ce que l'on a. Paris: Vrin, 2011.

4. Benoist J. Experience. Vrije Universiteit Brussel. Conference Psychological Concepts (September 22, 2012).

5. Benoist J. Le bruit du sensible. Paris: Cerf, 2013.

6. Benoist J. Reality. META: Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy, 2014, pp. 21–27.

7. Benoist J. Le réalisme sans métaphysique. URL: <https://www.cairn.info/publications-de-Benoist-%20Jocelyn--20377.htm> (date of application: 05.07.2018).

8. Benoist J. Does mind «exist»? Comments on Markus Gabriel's «Neo-Existentialism How to Conceive of the Human Mind After Naturalism's Failure». URL: <https://www.cairn.info/publications-de-Benoist-%20Jocelyn--20377.htm> (date of application: 05.07.2018).

9. Benoist J. Logique du phénomène. Paris: Hermann, 2016.

10. Benoist J. Realismus und Metaphysik. URL: https://www.academia.edu/28979151/Jocelyn_Benoist._Realism_and_Metaphysics (date of application: 05.07.2018).

11. Benoist J. L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017.

12. Gabriel M. Fields of Sense: A New Realist Ontology. Edinburgh University Press, 2015.

13. Gabriel M. How to Conceive of the Human Mind After Naturalism's Failure (Athens, May 11, 2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uu.nl/en/events/lecture-by-markus-gabriel-how-to-conceive-of-the-human-mind-after-naturalisms-failure> (дата обращения: 05.07.2018).

14. James W. Does «consciousness» exist? [Электронный ресурс]. URL: <http://fair-use.org/william-james/essays-in-radical-empiricism/does-consciousness-exist> (дата обращения: 05.07.2018).

15. Pris F.-I. Le fossé explicatif dans la philosophie de l'esprit du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normatif. Thèse. Sorbonne-Paris IV. Diffusion ANRT, 2008.

11. Benoist J. L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017.

12. Gabriel M. Fields of Sense: A New Realist Ontology. Edinburgh University Press, 2015.

13. Gabriel M. How to Conceive of the Human Mind After Naturalism's Failure (Athens, May 11, 2016). URL: <https://www.uu.nl/en/events/lecture-by-markus-gabriel-how-to-conceive-of-the-human-mind-after-naturalisms-failure> (date of application: 05.07.2018).

14. James W. Does «consciousness» exist? URL: <http://fair-use.org/william-james/essays-in-radical-empiricism/does-consciousness-exist> (date of application: 05.07.2018).

15. Pris F.-I. Le fossé explicatif dans la philosophie de l'esprit du point de vue de la deuxième philosophie de Wittgenstein vue comme un naturalisme normatif. Thèse. Sorbonne-Paris IV. Diffusion ANRT, 2008.